

Я, не противясь Божьему велению,
Изгнания путь так долго продолжал,
Что, может быть, предать меня забвенью
Успели пики каменистых скал.
Хоть для меня моё былое свято,
Я замечаю с горестной тоской,
Что зов, ко мне стремившийся когда-то,
Теперь на зов не отвечает мой.
Роятся надо мной чужие пчёлы,
Мне чужд и незнакомый вид раки,т,
Дырявят сердце памяти уколы,
И сожалений дым глаза коптит.
Мне мнится, что, черствея незаметно,
Стал странным я для чуткости людской,
Хоть и служу стихам я беззаветно,
И не хитрю со словом и строкою.
Хоть мельтешат сомненья ледяные
В моих мечтах и чувствах всё сильней,
Хотел бы я дела свои земные
Узреть на гребне расторопных дней
И, вывернув раздумья наизнанку,
Отправить весь запас душевных сил
Туда, где смерть мне следила приманку—
Два холмика родительских могил...

В далёких просторах, в селенье родном
Стоит, наклонившись, мой раненый дом.
В крови возрождая былое родство,
Лишь память способна увидеть его.
В нём жили когда-то, как в чудном дворце,
Виденья о матери и об отце.
Мой дух неприкаянный, тихо молясь,
Выходит с родными местами на связь.
Когда-то мной пройденных троп колеи
Друг другу читают сонеты мои.
И бьющий из горного склона родник
Вечерней порой вспоминает мой лик.
Теперь моей жизни последнюю часть
Судьба заставляет к чужбине припасть.
Мерцают надежды, как будто огни,
Тревожно считая бегущие дни...

В родном селе, у отчего двора
Давным-давно не тряс я шелковицу,
Не отправлялся на косьбу с утра,
Не видел птиц чеченских вереницу,
Не слышал лай знакомых мне собак,
Не ел в саду соседа абрикосы,
И без меня над высотой Маштак¹
Шумят метели и сверкают грёзы.
Отцовский край—кусок моей души,
Отрезанный незримою рукою,
В любой его затерянной глуши
Я вновь мечтаю зазвенеть строкою.
Но не ропщу я вовсе на судьбу,
С рожденья мне дарованную Богом.
Своих фантазий буйных ворожбу
Отныне я держу в режиме строгом.
И не хочу, страдая и скорбя,
В уме листая книгу лихолетья,
Просить у мига льготы для себя
И требовать от вечности бессмертья...

Ночным покоем наслаждаясь, вёрсты
Себя неспешно погружают в сон.
На жестяные пуговицы-звёзды
Застёгнут до рассвета небосклон.

На бархате травы, где плачут росы,
Кузнечики зелёный звон куют.
В дубраве бродит ветер безголосый,
Не в силах отыскать себе прият.

Мне мнится, что я чувствую вращенье
Своей души вокруг оси земной,
Что каждое короткое мгновенье
С рыданьями прощается со мной.

И, ясно сознавая, что в былое
Перетекает жизнь моя тайком,
Иду в атаку я на время злое,
Стихом его дырявя, как штыком.

И в этой битве—грозной и жестокой—
Я буду свято чтить, покуда жив,
Высокий образ Родины далёкой
И памяти возвышенный архив...

.....
1. Маштак—высота в Веденском районе Чечни.

Сило дышит зимний ветер, тучи теребя,
На такой большой планете, нана, нет тебя.

В чужеземных даях стонет мой сыновний зов,
На дорогах жизни больше нет твоих следов.

Грустно я смотрю на небо, зная, что ты там,
И опять шепчу молитвы с болью пополам.

Сижу я на скамье в саду цветущем,
Где запахом поит меня сирень.
Но смею ли мечтать я о грядущем,
Продлить желая этот летний день,
Стремясь не отпустить своё былое
Из дум своих печальных ни на миг,
Которому, идя сквозь время злое,
В стихах своих я памятник воздвиг?
И, был суровый сердцем согревая,
Всегда я в снах своих бываю там,
Где отчий дом и башня родовая
Мой образ дружно делят пополам...

Неслись на землю метеоры,
Лениво жала плотный мрак.
Дразня окрестные просторы,
Метался где-то лай собак.
Чеченский хутор под горою
В вечерних сумерках притих.
И память мыслей мошкарюю
Пьёт снова кровь из жил моих...
Вот я, за небом наблюдая,
Стою у ветхого плетня,
И смотрит нана² молодая
С улыбкой кроткой на меня.
Хоть мчится быстро время злое,
Храню я в сердце до сих пор:
Лицо, до боли дорогое,
Заветный каменистый двор,
Хлеб кукурузный — жёлто-серый,
Струющийся из товхи³ жар
И символ сытости и веры —
Стоящий в комнате кахьар⁴.
Обласкан мною добрым словом,
Как светлой грусти торжество,
Кизячный дым над отчим домом —
Свидетель детства моего...

Тихий город на шведской земле
Замер в сонной медлительной лени.
Уплотняются чёрные тени,
Становясь под луною смелей.

Площадь неба, без всяких затей,
Завоёвана звёздною ратью.
Над речною качаются гладью
Колыбели ночных фонарей.

Наклонились над сердцем моим
Души в сон упакованных улиц.
В парке листья друг друга коснулись:
Ветер трепетно ластится к ним.

В сероватой предутренней мгле
Встретит птиц мелодичное пенье
Дум тяжёлых моих утешенье —
Тихий город на шведской земле...

Грустит округа, как гнездо пустое.
Стих в старой роще листопада шум.
Зиме навстречу, задыхаясь в вое,
Безумный ветер мчится наобум.

Скукожились от сырости равнины,
Скучая без цветов и певчих птиц.
Холмов далёких сумрачные спины
Мечтают о серебряных снегах.

И, чтя небес высокие уставы,
Шушукают дожди то здесь, то там.
О льдах, что усмирят её суставы,
Река вещает рябью берегам...

Шведские деревья заскучали,
Сбросив золото с осенних крон.
И, укрывшись мглою цвета стали,
В тучах слёзы копит небосклон.
Напрягая мысленное зренье,
Я копаюсь в памяти своей,
И тогда ко мне идёт виденье
Из давным-давно прошедших дней:
Вижу дом отца под тополями,
Мать свою, укутанную в шаль,
Хутор, над которым журавлями
Для меня оставлена печаль...

.....
2. Нана — мать по-чеченски.

3. Товха — горская печь, вид камина.

4. Кахьар — старинная чеченская ручная мельница.

● ● ●
Хлопочет осень властной хозяйкой
Над листьями лысеющих лесов.
Скользит луна серебряною чайкой
Над островками серых облаков.

Приходит ветер дуть, не утихая,
Беря мою округу на испуг.
А тишина, как нищенка глухая,
Молчанья просит у ночных пичуг.

Во мглу уходят сумрачные дали,
У горизонта контуры крадя.
В траве сверкают росы, как медали,
Отлитые для стылого дождя.

Всю ночь я проведу в гостях у песен,
Напетых голосами троп и вёрст,
И буду знать, что мир огромный тесен
Моей душе, рождённой среди звёзд...

● ● ●
Осень свою обозначила силу,
Чёрные тучи по небу крутя.
Могут теплу уготовить могилу
Даже две капли шального дождя.

Ветер обрѣк беспощадным облавам
Клин пожелтевшей лесной полосы.
Нюх отбивают иссохшимся травам
Кислые запахи стылой росы.

Птиц улетающих брошенным скарбом
Гнёзда пустые на скалах висят.
Светом с небес освещённые слабо,
Мглою укутаны дали до пят.

Грустно—и нет веселиться резона,
Видя триумф увяданья вокрут.
В этой сумятице смены сезона
Душу грызёт непонятный испуг...

● ● ●
Сырая полночь северных широт,
Мне до рассвета ставшая подругой,
Воспоминаний тихий хоровод,
Руководимый беспокойной мукой,
Пустынная скамейка у реки,
Безмолвные беседы с тишиною,
Тревожных дум свирепые полки,
Моей душе грозящие войною,
Белёсая, как цвет небес, печаль,
Боль нагнетать натасканная где-то,
Туманной мглою дышащая даль—
Зовётся одиночеством всё это...

● ● ●
Солнце тихо за облаком село,
Неба хмурый гранит золотя.
Стаи чаек снуют то и дело
Над рекою, по-птичьи грустя.

Серой массой над жёлтой равниной
Заклубилась вечерняя мгла.
У тропы, густо пахнущей глиной,
Замахала ветвями ветла.

Не отнять у заката таланта
Боль дарить, отцветая вдаль.
Может, помнит меня, эмигранта,
Хоть частица отцовской земли?

Может, есть хоть какая-то сила,
Сотворённая время сдержатъ,
Пред которой пасует могила
И невзгод преклоняется рать?

Я б её приручил, словно зверя,
И воспел в животворных стихах,
Чтоб, судьбу неизвестностью меря,
Не испытывать муку и страх...

● ● ●
Ворует ветер листья в роще
И дарит их земле сырой.
Во мгле таится солнцу проще,
Чем лик свой морщить над горой.

Чернеет в холоде ущелья
Скопление мрачных валунов.
Не приспособлен для веселья
Суровый край моих отцов.

Родимых мест бессменным гимном
Журчит родник с тоской глухой.
И льнёт ко мне очажным дымом
Чеченский хутор Ригахой.

Лихие тучи, хмурия брови,
Из неба тянут сотни жил.
Я будто слышу голос крови
И вздохи дедовских могил.

Я жить не смог бы по-другому,
Когда судьба даёт под дых,
Без этой вечной тяги к дому,
Меня держащей средь живых.